

Геннадий Лутков

* * *

*Памяти
солдата В. Дьячкова*

Яблони помнят отца —
Так, как умеют деревья.
В старенькой тихой деревне
Яблони помнят отца.

В тысячах снах наяву
Шел он и шел повидаться.
Яблочком побаловаться
Некогда было ему.

Много у воина дел:
Вечно он в огненном деле.
Сколько он рек одолел,
Сколько его одолели!

Будто не будет конца
Этой войне распроклятой.
Возле все помнящей хаты
Яблони помнят отца.

Он похоронен не здесь,
А на берлинской околице,
Каменной дымной околице,
Первой узнавшей ту весть.

...Сад в легкой роздыми. Сыро.
Роса тяжелей свинца.

У сына теперь два сына,
И оба в его отца.

Писк цыплаков у крыльца
Возле размоченных корок...
Яблоням этим — за сорок,
Яблони помнят отца.

* * *

Не всех нас мучили вопросы.
Нас век запутанный ковал.
Мы так любили папиросы
С названьем «Беломорканал!»

Мы восторгались главным классом.
Он твердости давал урок.
У пачки с голубым окрасом
Мы отрывали уголок.

И плотно, как патроны в пачке,
Там красовались мундштуки.
Нам разве снились в глине тачки?
Решетки, пайки и штыки?

Мы папиросой франтоватой
В кино дышали горячо.
И плыл дымок голубоватый
И у щеки, и за плечо.

Куриль такое было лестно.
Мерк огонек, прозрачно ал...
Курил, как помню, в день ареста
Я этот «Беломорканал».

Виктор Поляков

ПРОПУСК № 7002

*Тов. Полякову В. М. разрешается
хождение по городу Сталинграду
после 24 час. 00 мин.*

Комендант гарнизона
майор Демченко

Как сохранился этот пропуск,
теперь припомнить —
выше сил.
Я прибыл в Сталинград не с войском,
я там в милиции служил.

У Латошинки, на пароме,
Держался милицейский пост
и охранял составы скромно
при свете САБов, а не звезд.

Майора Демченко не зная,
скажу одно, без лишних слов:
он был над городом хозяин
всего на шесть ночных часов.

Отмерив беззащитным сердцем
пределы заводской земли,
там с Тракторного ополченцы
навек в рубежи вросли.

А за спиной огромный город
из края в край в огне поплыл...
Но я о Демченко, майоре,
что, может быть,
себе на горе
в то время комендантом был.

Под грохот танковых таранов
кончался комендантский час,
в права вступали генералы,
резервы поднимал приказ.

Гляжу в твои провалы, память,
не отвожу стыдливо глаз:
тут ни убавить, ни прибавить,
как было сказано до нас.

И все же рано ставить точку,
ведь многое — в черновиках.
И да не вычеркнется строчка
о том майоре, что заочно
давал на подвиг пропуска.

ОКОПНЫЙ СОН

Я уснул
и мать во сне увидел,
Плачет мать,
в руке зажав платок.

«Мама, мама, кто тебя обидел?» —
«Ты, родной, обидел, ты, сынок».
«Мама, мама, далека дорога,
на побывку не отпущен срок.
Я тебе сегодня не подмога...» —
«Не о том печалишься, сынок.

Не беда,
 что не успел проститься:
закружил
 и разлучил вокзал, —
для тебя приберегла мучицу,
а ушел —
 и коржика не взял...»

Михаил Тимошечкин

СТАРЫЙ ТАНЦОР

Нам объявили: будет танец.
Мы приготовились встречать,
Как выйдет юный новобранец
Нас перестуком забавлять.

Усмешку кинули друг другу,
Когда увидели в упор —
Сосредоточенно по кругу
Прошелся старенький танцор.

Видать, чудак неисправимый,
Коль удивить надумал нас —
Под гомон неостановимый
Исполнив легкий па-де-грасс.

Он долго по дощатой сцене
Неторопливо колесил,
Как будто разминал колени,
А может, набирался сил.

По кругу сдержанной походкой
Прошелся и в середке стал.
И вдруг пошел на нас чечеткой,
Враз разбудив дремавший зал.

И бил то «яблочко», то «польку»
И лихо, как казак-удал,
Не отдыхаячи нисколько,
По-русски барыню плясал.

Взлетал и снова опускался,
Ногой, обутою в чулок,
На миг лишь пола прикасался,
Чтоб взмыть под самый потолок.

Баян, отчаянно рыдая,
Спешил за ним, свистя в мехах,

И только удаль молодая
Светилась в голубых глазах.

Танцор никак не унимался
И снова дробью шел на нас.
И кто-то шумно восхищался:
«Вот это да! Вот это класс!»

И мы, забыв субординацию,
Ответили ему овацией.
И вместе с нашими руками,
Как знак сердечной чистоты,
Над стриженными головами
Взметнулись белые бинты.

А он лишь за сердце держался,
В поклон сгибаясь пополам,
И, улыбаясь, задыхался
От счастья, отданного нам.